

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора исторических наук Мауль Виктора Яковлевича на диссертацию Светланы Анатольевны Тереховой «Революционеры-народники и идея "народного монархизма" (на примере "Чигиринского заговора)», представленную к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история в диссертационный совет Д.212.038.12 при ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет».

Нельзя сказать, что история революционного народничества относится к числу малоизученных страниц отечественного прошлого. Казалось бы, она имеет достаточно давнюю и внушительную историографическую традицию, включающую имена многих российских и зарубежных исследователей. Однако парадокс заключается в том, что в их трудах народничество, как правило, выступало словно бы вещь в себе, как таковое, т.е. в отсутствии самого народа. Он (народ) на страницах подобных сочинений, конечно, присутствовал, но обычно лишь в роли объекта, а не субъекта исторического процесса.

С другой стороны, в качестве статистической хозяйственной единицы крестьянство фигурировало в многочисленных монографиях и статьях другой категории исследователей – историков-аграрников, тщательно изучивших социально-экономическое положение пред- и пореформенных крестьян, и напрямую связывавших его с ростом их недовольства, проявлявшегося в тех или иных формах народных манифестаций.

Пожалуй, именно в диссертации Светланы Анатольевны Тереховой впервые предпринята убедительная и в научном плане результативная попытка соединить вместе эти два социально-политических процесса на примере одного из нашумевших в свое время событий – «Чигиринского заговора», подготовленного группой революционеров-народников с помощью мистификации от имени царя.

Тщательный и содержательный историографический обзор (с. 5-21) позволил диссертантке рельефно обозначить степень новизны и оригинальности собственного вклада в изучение темы, вполне квалифицированно сформулировать

цель и задачи, объект и предмет, а также хронологические рамки диссертационного исследования. Основное содержание работы представлено в двух главах по три параграфа каждая, что в данном случае выглядит вполне оправданным. Предложенная структура вполне логична и позволяет достичь поставленной автором цели.

Достоинством диссертации является скрупулезный учет комплекса социально-экономических, идейно-политических и иных конкретно-исторических факторов, влиявших на поведенческую активность участников чигиринских событий (крестьян и революционеров), что придало их действиям особый социокультурный колорит и обеспечило необходимый ракурс видения изучаемого феномена.

Несомненным плюсом рецензируемой работы можно считать привлечение автором большого массива неопубликованных документов из фондов центральных архивов РФ и Украины (ГАРФ, ЦДІАК), а также материалы одного регионального архива (ГБУТО ГА в г. Тобольске). Многие из этих источников впервые и по делу вводятся в научный оборот. Репрезентативная источниковая база дала возможность для построения целостной концептуальной картины чигиринских волнений на протяжении 1870-х гг., апогеем которых стало создание в среде местного крестьянства многочисленной подпольной организации «Тайная дружина».

По источникам разной типо-видовой принадлежности хорошо реконструирована и прослежена в подробностях фактическая сторона чигиринских событий и их движущие силы. Вполне можно согласиться с соискательницей в трактовке причин взаимного непонимания и неприязни между представителями местной администрации и чигиринскими крестьянами, с одной стороны, а также внутри самого крестьянства («душевиками» и «актовиками»), – с другой, которые были вызваны несовпадающими представлениями о порядке и условиях земельного передела.

Импонирует, что в отличие от предшественников С.А. Терехова не спешит устанавливать прямую каузальную зависимость между тяготами хозяйственной

жизни чигиринцев и их протестной активностью. Она справедливо отмечает, что катализирующую роль играли не столько тяготы сами по себе, сколько их осмысление крестьянами как следствие искажения государевой воли ненавистными панами и чиновниками. Иначе говоря, для понимания природы массовых беспорядков в Чигиринском уезде Киевской губернии более показательным оказывается не социально-экономический, а социально-психологический фон, основу которого составлял исконный крестьянский монархизм.

Практически на протяжении всей работы С.А. Терехова демонстрирует способность к глубокому анализу социально-психологической атмосферы на Правобережной Украине в связи с бурлившими там крестьянскими страстями. К числу блестящих примеров подобного анализа можно отнести историю Фомы Прядко, изрядно приукрашенную народным монархическим сознанием. К сожалению, наиболее колоритные страницы этой истории известны преимущественно по материалам революционной печати, вызывающим сомнение преувеличением крестьянского невежества. Другим образцом виртуозной исследовательской техники автора диссертации следует признать эпизод с Настасьей Лихошерстой, который интерпретируется с учетом архаических установок народной психологии, вплоть до толкования сакральной природы юродства. Оба этих ярких примера, наряду со многими другими, умело увязываются С.А. Тереховой с народно-монархическими представлениями чигиринских крестьян, не сомневавшихся в скором получении царской поддержки и готовых в случае необходимости с оружием в руках самим выступить на подмогу самодержцу.

С помощью широкого привлечения материалов по предшествующей истории и их компаративного анализа С.А. Терехова приходит к важному исследовательскому результату. Под ее пером «Чигиринский заговор» не вырастает из ниоткуда, а, на первый взгляд, органично вписывается в общий контекст освободительного движения в России XIX столетия, одновременно связываясь с героическими традициями казацкой вольницы и крестьянскими выступлениями изучаемой эпохи. В этом социокультурном пространстве начинают сосуществовать вековечный мужицкий миф о царе-батюшке с искусственно сконструированным ре-

волюционеры утопическим мифом о крестьянине-бунтаре. И такое их наложение друг на друга обеспечило, пусть кратковременный, но осязаемый результат авантюрной затее Я.В. Стефановича, Л.Г. Дейча и И.В. Бохановского. Потому-то «Чигиринский заговор» оказался единственным случаем в практике революционных народников, когда им удалось, как пишет С.А. Терехова, «более или менее реальное предприятие в народе», которое сулило «революционерам хоть какие-то перспективы при его реализации» (с. 198).

Несмотря на высокий научный уровень диссертационного исследования, выполненного С.А. Тереховой, работа не лишена некоторых изъянов, отсутствие или устранение которых могло бы только украсить представленный текст. Их условно можно разделить на полемические, казусные и технические, т.е. вызванные невнимательностью при оформлении диссертации.

Первая группа замечаний связана, главным образом, с неубедительностью аргументов, с помощью которых С.А. Терехова пытается доказать наличие преемственности в использовании монархической идеи разными поколениями революционеров. Насколько можно судить, группа Я.В. Стефановича, намереваясь прибегнуть к имени царя для организации антиправительственного заговора среди чигиринских крестьян, вовсе не учитывала аналогичный опыт, допустим, декабристов или сунгуровцев. По крайней мере, из их мемуаров и публикаций следует, что при обсуждении перспективных планов им обычно приходили в голову Стенька Разин или Емелька Пугачев, а не уроки предшественников по революционному ремеслу. Подобного рода сущностная связь прослеживается только с полуанекдотичной историей поездки саратовского дворянина П.В. Григорьева и писателя Г.И. Успенского по тульским деревням, в ходе которой они не без успеха эксплуатировали «константиновскую легенду». О том, что итоги этого отнюдь не безобидного розыгрыша принимались в расчет самозваными «царскими комиссарами» (Я.В. Стефановичем сотоварищи) при выработке стратегии и тактики чигиринских действий можно узнать, например, из воспоминаний В.К. Дебогория-Мокриевича.

В предложенной же С.А. Тереховой схеме отчетливо ощущается влияние установок советской историографической школы о трех этапах революционного движения в России, хотя большим вопросом является, допустим, правомерность именованья декабристов-заговорщиков «дворянскими революционерами», как это неоднократно делает автор диссертации. Не случайно, что в подтверждение своих рассуждений она прямо апеллирует к авторитету не кого-либо иного, а самого В.И. Ленина. Для полноты привычной картинки осталось только в эту славную когорту добавить имя А.Н. Радищева, которого также очень сильно тревожило бедственное положение российского крестьянства.

В этой же связи интересен другой лейтмотив диссертации, красной нитью проходящий через многие страницы текста, – чигиринские «крестьяне сознавали свою борьбу за землю как продолжение героической деятельности их предков – "вольных казаков", которая велась в XVI-XVIII вв.» (с. 65). В принципе, я готов допустить соответствующую трактовку ситуации. Однако примечательно, что из источников, восходящих непосредственно к чигиринским крестьянам, подобное осознание вовсе не вытекает. Сами они предпочитали говорить о конкретных проблемах малоземелья, а также злоупотреблениях люстрационных комиссий. Настаивали, что землю надо делить справедливо, т.е. по душам, и будто бы царь именно так повелел, о чем, дескать, существует высочайший указ, утаиваемый чиновниками, панами и попами. Сведения же о наличии историко-генетической связи чигиринских беспорядков 1870-х гг. с преданьем старины глубокой встречаются только в источниках, вышедших из-под пера власть имущих, с одной стороны, и революционных активистов – с другой. И данное обстоятельство, на мой взгляд, должно было быть отмечено в диссертационной работе. Иными словами, С.А. Тереховой необходимо было акцентировать наличие «ментальной эстафеты» традиций героической борьбы, но не настаивать на осознанности этой традиции чигиринскими крестьянами.

Очевидным недостатком диссертации, на мой взгляд, является отсутствие среди исследовательских задач изучения историко-культурных основ (истоков) формирования народного монархизма, хотя название диссертации вроде бы пред-

полагает такую необходимость. При отсутствии же таковой специальной задачи оказывается, будто монархизм априорно задан крестьянскому сознанию. Но тогда остается непонятным, имела ли место эволюция монархических представлений крестьянства от одного века к другому? Отличался ли монархизм чигиринских крестьян от крестьян других регионов страны, а также – от не крестьянского монархизма? Последний вопрос представляется тем более важным, что в случае с декабристами речь шла вовсе не о крестьянах, а о солдатской массе. А в последующие годы, так называемые, революционеры пытались агитировать в кругах «рабочих московских фабрик и тульских оружейных заводов, а также городской "черни"», и даже среди «освобожденных из тюрем заключенных» (с. 47). Неужели их монархизм – это явление одного порядка с царистскими представлениями чигиринских крестьян 70-х гг. XIX в.?

Не готов поддержать оптимизм С.А. Тереховой, полагающей, что «в условиях историографического плюрализма 1990-х гг.» произошел прорыв в изучении царистской психологии народных низов. Соискательница считает, что историки, осознав «ограниченность марксистской интерпретации категории "наивный монархизм"», попытались «несколько расширить и углубить содержание этого феномена, вписав его в общий контекст развития российской общественно-политической жизни» (с. 38).

Вопреки такой уверенности складывается впечатление, что и в 1990-е гг. и в последующие историки революционного движения в России продолжали считать и считают до сих пор крестьянский монархизм «наивным», следовательно, несколько не приближаются к адекватному пониманию яркого социокультурного феномена. Едва ли не впервые применительно к деятельности революционеров-народников такую задачу пытается решать С.А. Терехова. Поэтому ей зачастую приходится заимствовать концепции и интерпретации, выработанные на другом конкретно-историческом материале, и не всегда это получается у нее без запинок.

Так, соискательница настаивает, что именно декабристы, обращаясь «к глубинным пластам народных монархических представлений», «катапультировали» в жизнь «устойчивое существование "константиновской легенды"», что якобы «в

дальнейшем дало русским радикальным кругам возможность еще не раз использовать ее для возбуждения анти-царских настроений» (с. 46).

Во-первых, полагаю, что тезис о декабристах как первоисточнике данной легенды звучит не слишком убедительно. По крайней мере, сведения об их «катапультирующей» роли не известны исторической науке. Во-вторых, видимо, недоумением следует считать заявление автора, что российские радикалы использовали «константиновскую легенду» для возбуждения анти-царских настроений. На мой взгляд, речь должна идти о попытках дезавуировать правящего («ложного») монарха противопоставлением ему настоящего («истинного») государя, коим изображался Константин. Но причем тут анти-царские настроения? Скорее уж, наоборот.

К числу казусных недостатков можно отнести противоречивые данные о количестве крестьян, привлеченных к судебному процессу о волнениях, предшествовавших «Чигиринскому заговору» и связанных с деятельностью крестьянского вожака Фомы Прядко. Так, на 7-й странице С.А. Терехова отмечает, что по делу «проходило 326 государственных крестьян», однако к 96-й странице их численность уже заметно возросла, «к делу было привлечено 336 человек». Надо понимать, что для исследовательницы десятков-другой подсудимых – это, в принципе, незначительная разница.

К той же серии казусных пробелов можно отнести освещение истории публикаций документов по Чигиринскому заговору. На с. 22-23 верно указывается, что «первые документы были помещены» в журнале «Былое» в 1906 г., но будто бы дальнейшая их публикация «была продолжена уже в советский период». Здесь мы вновь встречаемся с противоречием, т.к. ранее, на с. 8, сообщается, что «полностью, вплоть до деталей, приводил все документы якобы от имени царя, напечатанные революционерами», либеральный историк Б.Б. Глинский, книга которого вышла из печати в 1913 г., т.е. еще до наступления советских времен.

Противоречивой оказывается оценка принципов построения революционных организаций на юге страны. В одном месте соискательница соглашается с мнением историка Ю.А. Пелевина о том, что «организационная структура обще-

ства "южных бунтарей" была иерархичной». Поэтому С.А. Терехова считает, что, например, Н.К. Бух «отнюдь не был в организации на ведущих ролях», в то время как «первую скрипку в организации играли ее лидеры, в том числе Я.В. Стефанович» (с. 127). Но в другом месте пишет о «южных бунтарях» в иной тональности, отмечая, что они «не разделяли централистских начал в управлении», в силу чего все вопросы «решались простым большинством голосов» (с. 122).

Имеются в тексте диссертации конкретные ошибки. Например, на с. 73 С.А. Терехова упоминает свидетельство «жандармского полковника В.Д. Новицкого» о причинах крестьянского движения в начале 1870-х гг., и утверждает, что он тогда уже служил в Киеве. Однако, как известно, В.Д. Новицкий был переведен в Киев из Тамбова только в июне 1878 г., но никак не в начале 1870-х гг., когда начальником Киевского ГЖУ был генерал-майор А.С. Павлов.

В качестве примера технических погрешностей можно привести цитату со с. 69, где сообщается: «Несмотря на то, что бывшие государственные крестьяне получили земли несколько больше чем помещичьи, малоземелье было бичом для черноземных **губерний** западных **губерний** в целом». Подобные описки изредка встречаются и на других страницах диссертации.

Помимо названных есть к рецензируемому тексту и иные претензии частного характера. Однако очевидно, что не они формируют, так сказать, «лицо» диссертации. Несомненно другое, – работа С.А. Тереховой состоялась. Выказанные замечания не имеют принципиального значения и не снижают достоверности основных результатов диссертационного исследования, которая обусловлена использованием широкой источниковой базы, применением современных методологических приемов, а также следованием принципам историзма, системности и объективности в оценке исторических событий.

Основные выводы диссертации, выносимые на защиту, апробированы С.А. Тереховой в ходе докладов на международных, всероссийских и региональных научных конференциях, а также опубликованы в 8 печатных работах общим объемом 3,6 печатных листа, 4 из которых – в рецензируемых печатных изданиях,

рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ. Автореферат отражает содержание диссертации.

Рассматриваемая диссертация является законченной, самостоятельно выполненной научно-квалификационной работой, в которой решена актуальная научная проблема.

На этих основаниях заключаю, что диссертация Светланы Анатольевны Тереховой «Революционеры-народники и идея "народного монархизма" (на примере "Чигиринского заговора)» и автореферат соответствуют критериям пункта 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» от 24 сентября 2013 г., № 842 ВАК Российской Федерации, предъявляемых к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент:

Мауль Виктор Яковлевич,
доктор исторических наук, доцент,
профессор филиала ФГБОУ ВО
«Тюменский индустриальный
университет» в г. Нижневартовске

Почтовый адрес:

628616, ХМАО-Югра, г. Нижневартовск,

ул. Ленина 2/П, строение 9.

Тел.: 8(3466) 491089

e-mail: VYMAul@mail.ru

